

УДК 904 (479)

ДВА КИНЖАЛА ИЗ АЛАНСКИХ КУРГАНОВ У с. БРУТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Т. А. Габуев

Государственный музей искусства народов Востока

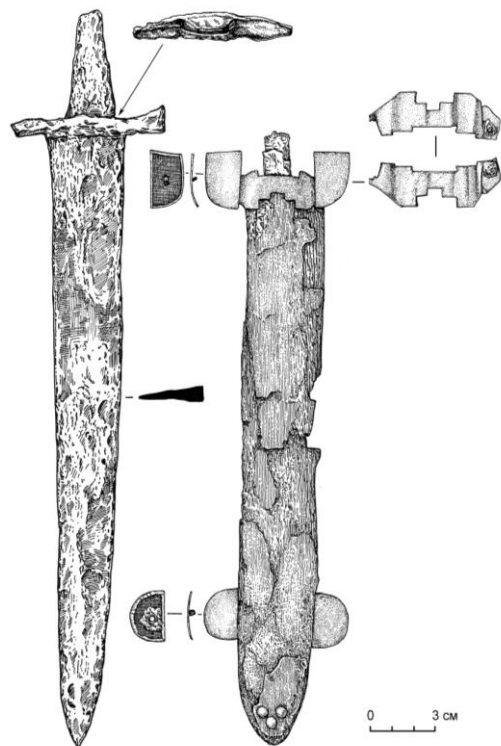
Статья посвящена характеристике двух кинжалов из курганов 2 и 7 могильника Брут 1, датированных 1-й половиной V в. н.э. Кинжал из кургана 7 имел архаическую систему подвески – он привязывался к бедру. Это наиболее поздняя (наряду с кинжалами из Абхазии) фиксация подобной системы подвески. Кинжал из кургана 2 имел горизонтальную систему подвески и крепился к поясу с помощью двух ремешков. Это один из наиболее ранних кинжалов с подобной системой подвески. Видимо, V век явился тем рубежом, когда обе системы подвески кинжалов стали сосуществовать и в дальнейшем архаическое привязывание к бедру сменяется горизонтальной подвеской.

This article will look at two daggers from kurgans 2 and 7 of the Brut I burial complex dating back to the first half of the V century AD. The dagger from kurgan 7 would be suspended from the hip – an archaic style of attachment and the latest known manner of dagger suspension (alongside the suspension styles of daggers from Abkhazia). The dagger from kurgan 2 would be attached horizontally to the belt using two buckles. It is one of the earliest daggers sporting this type of attachment. Apparently, both styles of dagger attachment existed simultaneously during the V century, after which the more archaic manner of suspension from the hip was replaced by the horizontal style of attachment.

Ключевые слова: аланы; курганы; кинжалы.

Keywords: Alans; kurgans; daggers.

В 1989–1990 гг. археологической экспедицией ГМИНВ у с. Брут в Северной Осетии в катакомбных погребениях курганов № 2 и 7, принадлежавших представителям высшей воинской аристократии, были найдены тайники. Курганы могильника Брут 1 относятся к аланской культуре и датируются первой половиной V в. н.э. Тайники содержали драгоценное оружие, золотые и серебряные, инкрустированные гранатами поясные и обувные гарнитур, а также конское снаряжение. Характеристике двух кинжалов из этих тайников посвящена данная публикация.



Характеристике двух кинжалов из этих тайников посвящена данная публикация.

Кинжал из кургана № 7 (рис. 1) имел ножны с четырьмя парными выступами по краям для его крепления (подробное описание кинжала см.: Приложение 1). Под выступы продевались два ремешка, с помощью которых кинжал привязывался к правому бедру воина. Этот способ ношения кинжала чрезвычайно удобен для всадника и описан древними авторами: «...десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» (Овидий, 43 г. до н.э. – 17 г. н.э.); «...надев штаны и обувь, он привязал к бедру кинжал, но складки штанов ниспадали на кинжал и закрывали его до голени» (Фавст Бузанд, V в. н.э.) [цит. по: 1].

Время, в которое появилась эта система крепления кинжала, установить чрезвычайно сложно, так как ранние известные экземпляры ножен кинжалов с четырьмя выступами сделаны из дерева, и прослеживаются они только в тех случаях, когда есть соответствующие условия для сохранности. Наиболее ранние деревянные ножны были открыты на Алтае в погребениях могильников Юстыд, Барбургазы I и II,

Рис. 1. Могильник Брут 1. Кинжал из кургана 7

Уландрык, датированных V–IV вв. до н.э. [2–4].

Парадные образцы таких кинжалов первых веков н.э. известны из Тилля-тепе (Афганистан) [5], Армазис-хеви (Мцхета, Грузия) [6], Горгиии (Анапа) [7] и могильника Дачи (Нижний Дон) [8].

Широко известны изображения ножен кинжалов с четырьмя выступами в памятниках искусства Востока. Они зафиксированы на каменных изваяниях I в. до н.э. царей Антиоха I и Митридата Калиникова в Малой Азии [9–11] и на многочисленных изображениях Пальмиры первых веков н.э. [12, 13]. В IV в. они встречаются на серебряных сасанидских блюдах с изображениями царей Шапура II и Шапура III [14]. На Боспоре воины с такими кинжалами изображены на надгробиях I – первой пол. II в. н.э. [15].

До недавнего времени наиболее поздними кинжалами с четырьмя выступами считались находки из Абхазии [16]. Они были обнаружены в погребениях № 39 и 43 могильника Цибилиум-1 и датировались Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао второй пол. V – первой пол. VI в. н.э. [17]. О.А. Гей и И.А. Бажан, предложив дробную хронологию абхазских могильников, удрешили эти погребения, датировав их последней четвертью IV в. н.э. [18]. Однако мы склонны признать правомерной датировку этого комплекса, предложенную М.М. Казанским и А.В. Мастыковой, временем от 380/400 до 440/450 г. н.э. [19]. Таким образом, кинжал из кургана № 7 у с. Брут, относящийся к первой половине V в., наряду с кинжалом из Абхазии, предстает одним из наиболее поздних кинжалов с четырьмя выступами на ножнах.

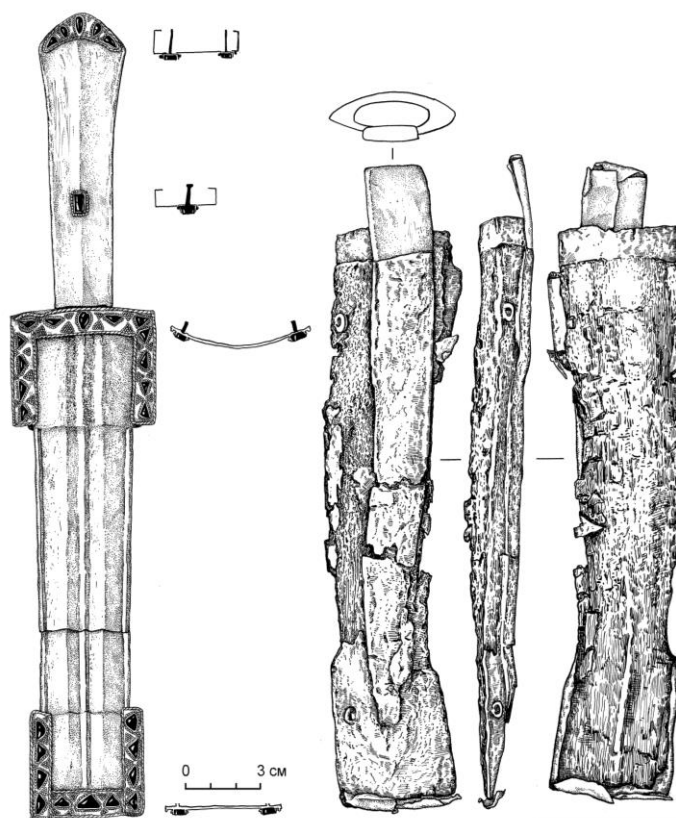


Рис. 2. Могильник Брут 1. Кинжал из кургана 2

Ножны кинжала из погребения № 39 могильника Цибилиум-1 близки ножнам рассматриваемого кинжала из Брута одной конструктивной деталью. В верхней их части боковые выступы лежат на металлической пластине, через которую они соединяются с деревянным корпусом ножен. Отличие же их состоит в том, что если на кинжале из Цибилиум-1 таким образом оформлены обе пары выступов, то на кинжале из Брута 1 только верхняя. Отличаются и клинки кинжалов. У обоих кинжалов из Абхазии, судя по рисункам в публикации, они обоюдоострые, тогда как клинок из Брута однолезвийный. В то же время следует отметить, что большинство клинков кинжалов из могильника Цибилиум-1 однолезвийные. Под клинком однолезвийного кинжала из погребения № 58 в Цибилиуме-1 обнаружен «приржавевший» к нему железный нож [20]. В последнем случае мы, видимо, сталкиваемся с таким типом сочетания холодного оружия, когда, как и в брутских кинжалах, кинжал и нож находились в одних ножнах. Сочетание клинков зафиксировано в погребении № 4 Тилля-тепе, где в одних золотых

ножах с двумя выступами в их нижней части обнаружены однолезвийный нож и два небольших обоюдоострых клинка – кинжальчика. Причем нож занимал главенствующее положение, располагаясь с лицевой стороны, а кинжальчики с тыльной [21]. Ранними находками ножен для двух клинков являются кинжалы из Монголии и Тувы V–III вв. до н.э. [22]. Обычай помещения двух клинков в одни ножны связан, видимо, с простым удобством, когда на поясе подвешено не два предмета, а один. В то же время кинжал не мог исполнять функции ножа, являясь боевым оружием, и в повседневной жизни в хозяйственных целях практически не использовался. Наиболее поздними образцами такого сочетания клинков являются кавказские кинжалы начала XX в., где на тыльной стороне ножен кинжалов имелись иногда ячейки как для одного, так и для двух небольших ножей.

Кинжал из кургана № 2 (рис. 2). Кинжал и нож в одних ножнах в этом кургане были обнаружены справа от рукояти меча. Кинжал лежал лицевой стороной вниз параллельно мечу. Тыльная сторона ножен кинжала была покрыта тонким серебряным листом, на котором четко отпечатался рельеф ножа. Извлечь клинки ножа и кинжала из ножен не представляется возможным, поскольку из-за плохого состояния серебряной обкладки ножен она спеклась с коррозированными железными клинками и представляет единый монолит. Коррозия клинков привела к их деформации и увеличению размеров всего блока предмета, что видно на рис. 2. Длина ножен на 2,8 см превышает длину лицевой золотой обкладки. Хотя она и состоит из двух пластин, положенных друг на друга, но нижняя заходит под верхнюю обкладку незначительно.

У правого края тыльной стороны ножен имелись две небольшие серебряные петельки (подробное описание кинжала см.: *Приложение 2*). В эти петельки продевались ремешки, с помощью которых кинжала крепился к поясу. Рядом с кинжалом, справа от него, были обнаружены и две пары одинаковых пряжек (одна из них соприкасалась с кинжалом) с наконечниками. Эти пряжки находились около серебряных петелек на тыльной стороне кинжала, из чего следует сделать вывод, что они являлись портупейными и с их помощью кинжал пристегивался к поясу. Реконструировать способ подвески кинжала мы можем следующим образом: продетые в петли на ножнах портупейные ремешки оканчивались небольшими пряжками, в которые продевались дополнительные ремешки с наконечниками, спускающимися с пояса. Эти дополнительные ремешки наглухо крепились к поясу, видимо, с помощью двух круглых золотых заклепок, найденных в комплексе (рис. 3). При таком способе подвески кинжал можно было легко надеть и снять. Таким образом, кинжал подвешивался горизонтально или немного наклонно с левой стороны рядом с мечом.

Кроме кинжала в кургане № 2 был обнаружен и парадный меч с золотыми обкладками ножен и рукояти. Возможно, они носились вместе на одном поясе, составляя оружейный набор (рис. 3). Воин, конечно, мог испытывать определенные неудобства при ношении этих предметов вооружения одновременно, но если учесть, что представленный длинный (около 130 см) меч является кавалерийским, то носить его вне конного строя не имело практического смысла за исключением парадных выходов и редких случаев участия всадника в бою как пехотинца. Иметь же при себе оба предмета при посадке на коня было, на наш взгляд, не так уж и обременительно, учитывая, что меч свободно скользил по портупейному ремню, занимая наиболее удобное для всадника положение.

Ближайшей аналогией вышеописанному кинжалу из кургана № 2 могильника Брут 1 является кинжал из могилы VIII у с. Новогригорьевка в Запорожской области на Украине. Две П-образные накладки из этого комплекса А.К. Амброс определил как оковки двух боковых прямоугольных выступов для горизонтального или наклонного подвешивания ножен, указав при этом, что этот кинжал является наиболее ранним в Евразии (первая половина V в.) из серии кинжалов с двумя прямоугольными выступами [23]. Несколько более поздними (конец V – начало VI в.) А.К. Амброс считает согдийские изображения кинжалов с двумя прямоугольными выступами, определяя находку из Новогригорьевки недостающим звеном между изображениями кинжалов на Востоке и скрамасаксами – длинными

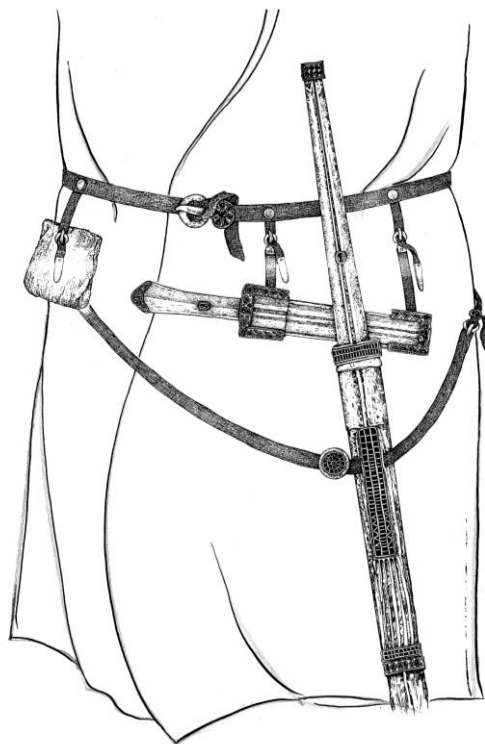


Рис. 3. Могильник Брут 1. Реконструкция подвески оружия из кургана 2

однолезвийными боевыми ножами германцев в Западной Европе. Имея целый кинжал из Брута, а не во фрагментах, каким он дошел до нас из Новогригорьевки, мы можем уточнить реконструкцию, сделанную А.К. Амброзом, развернув П-образные скобы так, как они расположены на кинжале из Брута. В этом виде форма ножен кинжала напоминает скорее кинжалы с четырьмя выступами предшествующей эпохи, но сам кинжал, благодаря двум петлям на тыльной стороне ножен, имеет качественно новую, горизонтальную, систему подвески. Скорее всего, ту же систему подвески имел и кинжал из Новогригорьевки.

Кинжалы из Брута и Новогригорьевки датируются приблизительно одним и тем же временем – первой пол. – серединой V в. Они несколько предшествуют известному скрамасаксу из могилы франкского короля Хильдерика (ум. 481/2 г.) в Турне (Бельгия) [24] и предстают наиболее ранними в сравнении со всеми известными на Востоке изображениями кинжалов с горизонтальной подвеской. Несколько особняком стоят находки из поврежденного погребения из Тугозвонovo на Алтае [25]. Здесь были найдены кинжал и палаш, датированные А.П. Уманским IV–V вв. н.э., давшим их реконструкцию, судя по которой, кинжал имел горизонтальную подвеску. В.Ю. Малашев, проанализировав данный комплекс, датировал представленные в нем пряжки периодом от середины III до середины IV в. н.э., но, учитывая наличие перегородчатой инкрустации на кинжале, отнес его к позднему IV в. [26]. Вне зависимости от того, датируется ли этот комплекс серединой или поздним IV в., кинжал из него явно старше кинжала из Брута. Если бы не сомнения, высказанные А.К. Амброзом в корректности реконструкции оружия, приведенной А.П. Уманским [27], мы бы, видимо, имели наиболее ранний кинжал с горизонтальной подвеской. Пока же, до появления более качественных прорисовок этой находки, вопрос остается открытым.

Казалось бы, устоявшееся мнение, что наклонная подвеска кинжалов возникла на Востоке, а затем распространилась на Запад, пока не вполне корректно. Для подобного утверждения нужно признать реконструкцию, предложенную А.П. Уманским, правильной, а происхождение кинжала из Новогригорьевки связать с Востоком. Кинжал же из Брута был, скорее всего, «восточного» происхождения, но датируется он серединой V в., т.е. ненамного предшествует скрамасаксу из Турне. Малое количество кинжалов с такой системой подвески и их недостаточная изученность пока оставляют вопрос об их происхождении и истоках открытым. Можно только констатировать, что, видимо, именно V в. явился тем рубежом, когда обе системы подвески кинжалов сосуществовали и в дальнейшем архаическое привязывание кинжала к бедру сменяется его горизонтальной или наклонной подвеской к поясу.

Приложение 1. Кинжал из кургана № 7 (рис. 1).

Кинжал и нож в одних ножнах. Кинжал железный с короткой подтреугольной ручкой (самый кончик обломан) и прямым перекрестьем, с одним слегка раскованным краем, так что раскованная лопасть параллельна длине кинжала. Клинок на 75% однолезвийный и на 25% обоюдоострый. И на клинке и на рукояти остатки дерева. Общая дл. – 34 см, дл. клинка – 28 см, шир. клинка – 3.7 см, дл. перекрестья – 7.2 см, дл. рукояти – 5 см. Ножны кинжала деревянные, с лицевой стороны покрыты каким-то раствором и выкрашены в красный цвет. Они прямоугольной со скругленным концом формы и с четырьмя выступами – двумя полукруглыми внизу ближе к острию и с двумя подпрямоугольными со скругленным одним углом у устья ножен. Нижние выступы покрывала серебряная, обтянутая золотым листом накладка. Устье с лицевой стороны и верхние выступы были покрыты серебряной с позолотой фигурной пластиной, края которой и сами выступы покрывались двумя подпрямоугольными со скругленным одним углом серебряными, обтянутыми золотым листом накладками. Накладки крепились на деревянную основу ножен с помощью серебряных штифтов. Дл. ножен не менее 26 см, шир. – 3.8 см. Размеры нижних накладок – 2.4–2.5×1.6–1.7 см. Размеры верхних накладок – 2.7×1.7–1.8 см. Окончание ножен украшено тремя маленькими полусферическими позолоченными накладками, дм. – 0.6 см. В ножнах кроме кинжала находился и нож, но установить его форму в настоящий момент затруднительно. Черенок его рукояти выступает над устьем ножен, и мы можем только сказать, что нож занимал положение между клинком кинжала и лицевой обкладкой ножен.

Приложение 2. Кинжал из кургана № 2 (рис. 2).

Кинжал и нож в одних ножнах. Лицевая сторона ножен из золота, обратная – из серебра. Поскольку серебро очень плохой сохранности, кинжал брался монолитом.

Лицевая обкладка ножен из тонких золотых пластин (3 шт.) прямоугольной формы с продольным ребром жесткости в центральной части. Сверху и снизу имеются две золотые накладки П-образной формы. Они прикреплены серебряными штифтами так, что концы их развернуты друг к другу. Накладки инкрустированы гранатами. Нижняя – треугольной формы (11 шт.), верхняя – треугольной (12 шт.) и каплевидной (1 шт.) формы. Вставки окаймлены зернью. Свободное пространство заполнено треугольниками из зерни. Накладки окантованы по краю филигранью. Дл. – 20.5 см, шир. – 6 см.

Лицевая обкладка рукояти из золотой пластины прямоугольной формы со скругленным

расширяющимся верхом, на котором имеется золотая накладка, украшенная пятью каплевидными гранатовыми вставками, окаймленными зернью. Свободное пространство заполняют треугольники из зерни. По краю накладка окантована филигранью. Накладка крепится с помощью трех серебряных штифтов. В центре рукояти – вставка граната прямоугольной формы, окаймленная зернью. Она крепится с помощью серебряного штифта. Дл. – 11.8 см, шир. – 3.5 см.

Тыльная сторона ножен кинжала была покрыта тонким серебряным листом, на котором четко отпечатался рельеф ножа. Извлечь клинки ножа и кинжала из ножен оказалось невозможно, так как клинки, деревянные ножны и серебряная обкладка скинулись в единый монолит. Разъединение этих предметов из-за плохого состояния серебряной обкладки ножен могло бы привести к частичному или даже полному ее разрушению. Весь монолит представляет собой предмет неправильной прямоугольной формы, несколько сужающийся в центральной части. У края тыльной стороны ножен имелись две небольшие серебряные петельки для крепления кинжала к поясу. Дл. монолита – 24 см, шир. по краям – 5 см, минимальная шир. – 3.5 см, максимальная толщина – 2.2 см. Судя по отпечатку на серебряной обкладке, нож был однолезвийный со слегка изогнутым клинком и завершением рукояти в виде сплюсненного золотого прямоугольника, возвышающегося над монолитом на 2.7 см. Дл. ножа – 22.8 см, макс. шир. – 2.6 см, дл. золотой части – 3.9 см, шир. – 2.6 см.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 13–14, 27.
2. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993. С. 238–239, табл. XI, 85, 87–89.
3. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 132, 217, табл. XVI, 13; с. 259, табл. LVIII, 9.
4. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. С. 133, табл. XXVII, 26, XLVII, 28, LVII, 27.
5. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989. С. 94–98, рис. 33.
6. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937–1946 гг. / А.М. Апакидзе, Г.Ф. Гобеджишвили, А.Н. Каландадзе, Г.А. Ломтатидзе // Мцхета: Итоги археологических исследований. Т. I. Тбилиси, 1958. С. 32–33, табл. XXXVIII, 1.
7. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. С. 61, 165.
8. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у города Азова // Сов. археология. 1992. № 1. С. 185–188, рис. 11–12.
9. Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928. Tab. 26a.
10. Ghirshman R. Iran, Parthes et Sasanids. Paris, 1962. P. 79, 80.
11. Sculptures of Commagene Kingdom / K. Tanabe, A. Hori, S. Miyashita, M. Haga // Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 2. Tokyo, 1998. P. 87, 90, pl. 115, 118, p. 92, 96, pl. 120, 124, p. 102, 105, pl. 130, 133.
12. Seyrig H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // "Syria", 1937. Vol. XVIII, 4–131. Fasc. 1, с. 29, P. 19.
13. Sculptures of Palmyra // Memoirs of the Ancient Orient Museum. Vol. 1. Tokyo, 1986. P. 416, fig. 385, p. 420, fig. 389 p. 424, fig. 393, p. 441, fig. 410, p. 467, fig. 441.
14. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987. С. 107, ил. 6–7, 10–11.
15. Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображенных на пантикапейских надгробиях I–II в. н.э.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: материалы юбилейного междунар. круглого стола, посвящ. 10-летию конф. «Боспорский феномен». СПб., 2008. С. 146–160.
16. Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // Сов. археология. 1986. № 3. С. 30.
17. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 151, рис. 18, 3, 19, 1, 9.
18. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи готских походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 99, табл. 27, 13, 14.
19. Kazanski M., Mastikova A. Tsibilium. La nekropole apside de Tsibilium (VII av. J.C. – VII ap. J.C.). (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. (BAR International Series S 1712). Oxford, 2007. P. 57–58.
20. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. С. 156–157, рис. 21, 8, 9.
21. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989. С. 98–101, рис. 34.
22. Там же. С. 101.
23. Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // Сов. археология. 1986. № 3. С. 30–32, рис. 2, 1–5.
24. L'or des princes barbares. Du Caucase a la Gaule V siècle après J.-C. Paris, 2000. P. 206–209.
25. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
26. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 203–204.
27. Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // Сов. археология. 1986. № 4. С. 57–58.

Поступила в редакцию 24.09.2013 г.

Принята к печати 18.03.2014 г.